

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RIGHT-WING POPULISM: ORIGINS AND MODERNITY

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

Научная статья

Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства

С.А. Шейн

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Ул. Малая Ордынка, 17, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется, каким образом европейский политический мейнстрим отвечает на вызовы правого популизма и какие эффекты это несет для стрессоустойчивости политической системы на основе анализа британского случая. Фокусируясь на концепции стрессоустойчивости как качества политической системы отвечать и адаптироваться к внутренним вызовам, мы используем классификацию стратегических ответов мейнстрима, разработанную У. Даунсом, и аналитические инструменты исторического институционализма для понимания стратегических ответов мейнстрима (Консервативной и Лейбористской партии) на вызовы правого популизма (Партии независимости Соединенного Королевства, ПНСК). В результате сделан вывод, что политический мейнстрим переходит от стратегий игнорирования правых популистов к смешанным стратегиям, в данном случае – кооптации программных элементов ПНСК с элементами политической и институциональной изоляции. Подобные стратегии демонстрируют эффективность с электоральной точки зрения, но при этом несут в себе «непредвиденные последствия» для стрессоустойчивости всей системы.

Ключевые слова: политический мейнстрим, правый популизм, стрессоустойчивость, Европейский союз, Соединенное Королевство

© Шейн С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В современном академическом и политическом дискурсе концепция стрессоустойчивости заняла центральное место при рассмотрении вопросов международной безопасности и развития [1; 2]. В наибольшей степени стрессоустойчивость «закрепилась» в официальных документах Европейского Союза в качестве концептуального переоснащения его внешней политики в сторону более прагматичного подхода к ее реализации [3; 4]. В Глобальной стратегии Европейского Союза (ГСЕС) 2016 г. под стрессоустойчивостью понималась «концепция, охватывающая все общество» и характеризующаяся «демократией, доверием к институтам и устойчивому развитию, а также способностью к реформам в ситуации «экзистенциального кризиса ЕС и за его пределами» [5. Р. 7]. Обращение к стрессоустойчивости в этом контексте видится как следствие политизации европейского проекта [6].

Помимо анализа инструментального наполнения концепции стрессоустойчивости в дискурсах ЕС, с исследовательской точки зрения продуктивно рассмотреть стрессоустойчивость как академическую категорию, подразумевающую «свойство политической системы для выживания и восстановления после комплексных вызовов и кризисов, способных привести к ее краху» [7]. Если понимать Европейский союз как политическую систему с высокой степенью децентрализации [8. Р. 15], то на первый план выходят именно внутренние вызовы стрессоустойчивости в ходе уже указанной политизации европейского проекта.

Исходя из ограниченного объема статьи, мы сфокусируемся на вызовах стрессоустойчивости на уровне национальных политических систем государств – членов ЕС. При таком подходе основными акторами, повышающими/понижающими стрессоустойчивость, являются традиционные правоцентристские и левоцентристские партии (мейнстрим), а основным вызовом для них – растущее электоральное давление со стороны правопопулистских партий и движений, обладающих антисистемными чертами [9; 10].

Основная цель данной статьи – ответить на вопрос, какие стратегические ответы дает европейский политический мейнстрим на вызовы правого популизма и какие эффекты несут эти ответы для стрессоустойчивости всей системы. Эмпирическим материалом выступит политическое развитие Соединенного Королевства в качестве особого случая. Мажоритарный характер британской демократии институционально ограничивает создание и развитие антисистемных акторов, что, однако, не стало препятствием для электорального роста правопопулистской Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) и ее влияния на характер и содержание политических дебатов относительно «европейского вопроса» в 2004-2016 гг. Стратегические реакции Консервативной и Лейбористской партии (политического мейнстрима) привели к курсу на «Брекзит» и неопределенности дальнейшей институциональной конфигурации ЕС и вектора развития национальной партийно-политической системы.

В статье будет использован комплексный методологический подход. Сочетая классификацию стратегических ответов мейнстрима, разработанную политологом У. Даунсом, мы используем также аналитический инструментарий исторического институционализма, акцентирующий внимание на причинно-следственных связях между реализацией стратегии и ее политическими эффектами.

Статья состоит из двух основных частей. В первой части мы разберем основные подходы к классификации стратегических ответов мейнстрима на вызовы антисистемных акторов. Во второй части проведем анализ стратегий британского мейнстрима относительно вызовов правого популизма и политических эффектов подобных стратегий с точки зрения стрессоустойчивости системы.

Стратегические ответы мейнстрима: классификация и содержание

Исследования, посвященные тому, как мейнстрим отвечает на новые вызовы со стороны правопопулистских и, шире, антисистемных политических сил [11–16], отличаются используемой теоретической оптикой и эмпирическим материалом. Вместе с тем работы объединяет фокус на партиях, как основных институтах в разработке и реализации стратегических ответов относительно новых вызовов. При этом следует отметить, что влиять на выбор указанных ответов также могут негосударственные (гражданское общество, СМИ) и внешнеполитические акторы, институты ЕС [11. Р. 330–336; 12. Р. 27], глава государства [17. Р. 439], Конституционный суд [11. Р. 333–334]. Исследователи пытаются учитывать различия в стратегиях левоцентристских и правоцентристских партий, исходя из программных позиций и идеологических установок, в первую очередь, по вопросам евроинтеграции и иммиграции ввиду значительной нативистской составляющей, характерной для правого популизма [18].

В самом общем смысле партии мейнстрима могут вовлекать и отделять [13. Р. 26], включать и исключать [12. Р. 23] антисистемных акторов. Анализируя взаимодействие партий мейнстрима и антисистемных партий в Европе, политолог У. Даунс выделяет пять «идеальных типов» стратегических ответов мейнстрима: *игнорирование, политическая и/или институциональная изоляция, кооптация и вынужденное сотрудничество (коллораация)*. Для понимания природы и контента возможных стратегических ответов рассмотрим подробнее указанную классификацию с использованием примеров из современной европейской политической жизни.

Стратегия игнорирования направлена на делигитимацию оппонентов и их политической программы и зачастую выступает в качестве первоначальной реакции мейнстрима на новые вызовы с правого фланга. Впоследствии растущий электоральный вес правопопулистских партий и их давление на позиции мейнстрима затрудняет проведение стратегии игнорирования. Если

исходить из того, что популизм политизирует назревшие проблемы и пытается «продвинуть» их в центр политических дебатов, то, продолжая игнорировать правых популистов, мейнстрим, несомненно, лишь подчеркивает антисистемный и протестный характер популистских акторов в общественном сознании. Тем не менее пример шведских партий мейнстрима, применявших стратегию игнорирования в отношении Шведских демократов до 2010-х гг., демонстрирует, что игнорирование, при условии высокой степени координации действий между партиями мейнстрима [15], в ряде случаев может быть достаточно долгосрочной и устойчивой стратегией.

Стратегия изоляции предполагает *политическое* и/или *институциональное* ограничение деятельности правопопулистских партий. Политическая изоляция предполагает создание антиэкстремистского блока или «большой коалиции» как «санитарного кордона» вокруг правых популистов на электоральном, законодательном и исполнительном уровнях. «Санитарный кордон», так же как и стратегия игнорирования, предполагает высокий уровень координации действий между партиями мейнстрима. Неудача при формировании «санитарного кордона» может привести, как утверждает политолог Д. Капочча, к тому, что партии мейнстрима, в первую очередь правоцентристские [19], будут стремиться не в центр политического спектра, а к флангам, чтобы вернуть электорат, ушедший к экстремистам [17. Р. 438].

Формирование «санитарного кордона» и/или «большой коалиции» более вероятно, когда в национальном представительном органе присутствует существенная фракция экстремистов [17. Р. 438]. Так, формирование коалиции в 2017-2018 гг. между Христианской демократической партией / Христианским социальным союзом (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партией Германии (СДПГ) было стимулировано тем, что «Альтернатива для Германии» (АдГ) сформировала третью по численности фракцию в Бундестаге по итогам выборов 2017 г. (94 места из 709). При этом пример Австрии, где существенное представительство в Национальном совете правопопулистской Австрийской партии Свободы (АПС) после выборов 2017 г. (51 мандат из 183) привело к формированию правого блока в формате коалиции правоцентристской Австрийской народной партии (АНП) и АПС, демонстрирует обратное. В случае возросшего представительства популистов правоцентристская партия попыталась «вернуться» на правый фланг за своим избирателем.

Институциональная изоляция предполагает ограничение деятельности правых популистов путем «запрета партии полностью, либо повышения избирательного порога, либо ограничений в голосовании за нее» [13]. Показателен пример применения антиэкстремистского законодательства для запрета партии «Фламандский блок» в Бельгии в 2004 г. Необходимо отметить и попытку СДПГ в 2001 г. добиться запрета Национал-демократической партии Германии, однако Конституционный суд в 2003 г. отказал в этом решении [20. Р. 123].

Исходя из того, что степень пропорциональности избирательной системы напрямую связана с представительством правых популистов в парламен-

те, избирательное законодательство становится эффективным инструментом, используемым партиями мейнстрима в борьбе с оппонентами с правого фланга, особенно в ситуации, когда правительство опирается на поддержку «большой коалиции» или одной из партий мейнстрима. Так, вновь обращаясь к примеру ФРГ, отметим, что 5%-й избирательный барьер не позволил АдГ пройти в Бундестаг по итогам выборов 2013 г. Во Франции в условиях мажоритарной системы на выборах в Национальное собрание в 2017 г. правопопулистский Национальный фронт получил 13,2% голосов в первом туре и 8,75% во втором, но только 5 из 577 мест в законодательном органе [21].

В основе *стратегии кооптации* [13. Р. 27] лежит «перехватывание» мейнстримом позиций правых популистов по вопросам евроинтеграции и иноэтничной иммиграции. Тем самым мейнстрим легитимирует политическую программу правых популистов, но не их самих. Важно учитывать, что кооптация возможна в двух видах. *Неформальная кооптация* означает «сокращение дистанции» [20. Р. 45] в политических программах мейнстрима и правых популистов по вопросам иммиграции и евроинтеграции, что было продемонстрировано примером социал-демократических партий Австрии, Нидерландов, Швеции и Норвегии, которые, так или иначе, ужесточили свой миграционный курс в ответ на рост электоральной поддержки правых популистов [15]. *Формальная кооптация*, в свою очередь, предполагает прямое заимствование элементов политической программы правых популистов. В качестве примера отметим конвергенцию позиций «республиканца» Николя Саркози и лидера Национального фронта Марин ле Пен по иммиграционной проблематике на президентских выборах 2016 г. [16. Р. 15].

Таким образом, очевидным следствием стратегии кооптации является легитимация нативистских и антиевропеистских установок правых популистов в дискурсе мейнстрима [19].

Стратегия коллаборации (вынужденного сотрудничества) [13. Р. 27–28] призвана легитимизировать не только программы правых популистов, но и их самих. Как считает У. Даунс, сотрудничество на электоральном уровне – это результат успешного опыта коалиций на законодательном и исполнительном уровне и, как следствие, складывания «электорального картеля» между мейнстримом и правыми популистами [13. Р. 39]. Возможности коллаборации на законодательном уровне в значительной степени зависят от размера фракции правых популистов и баланса сил в представительном органе. Подобный тип сотрудничества выражается в поддержке правительственных законопроектов правыми популистами, как, например, в случае Датской народной партии в 2000-е гг. Ярким примером вынужденного сотрудничества на исполнительном уровне являются две коалиции АНС и АПС в 2000–2005 гг. и в 2017–2019 гг. Как указывает политолог С. де Ланж, центристским партиям легче «подтолкнуть» правых популистов к дерадикализации их программы и стимулировать внутрипартийный раскол в правопопулистском лагере, привлекая их в качестве младших коалиционных партнеров, что достаточно ярко подтвердила первая коалиция АНС и АПС [22].

В целом при включающих стратегиях (в особенности – коллаборации) границы между правым популизмом и политическим мейнстримом размываются, что создает условия для двух встречных процессов: мейнстримизации правого популизма и «популистского заражения» [18] мейнстрима.

Исходя из рассмотренных «идеальных типов» стратегических ответов партий мейнстрима на вызовы правого популизма рассмотрим, какие стратегии британский мейнстрим реализовал по отношению к ПНСК и какие эффекты имели эти стратегии с точки зрения стрессоустойчивости всей системы.

Стратегии британского мейнстрима в отношении ПНСК: содержание и эффекты

Учитывая политическую традицию британского евроскептицизма в качестве фактора, во многом определяющего партийную конкуренцию, вполне логично появление на политической карте Соединенного Королевства Партии независимости в 1993 г. как реакции на ратификацию Маастрихтского договора. Будучи «однопроблемной» партией «твердого евроскептицизма», на волне благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры партия пережила идеологическую эволюцию, став популистской, анти-Вестминстерской и антимигрантской [23]. Манифест партии 2010 г. содержал утверждение, что, «хотя выход из Европейского политического союза занимает центральное место в послании ПНСК, партия имеет полноценную программу, которая поможет ей стать четвертой по величине политической партией Великобритании» [24. Р. 2].

Позиция ПНСК по проблеме иммиграции является вторичной по отношению к ее евроскептическому характеру. Однако в ходе партийного развития антииммигрантская риторика становилась все более отчетливой. ПНСК требовала восстановить контроль над национальными границами и «положить конец неконтролируемой миграции». Это связано с тем, что на фоне последствий политики «открытых дверей» «нового лейборизма» Тони Блэра и пятого расширения ЕС в 2004 г. британские избиратели стали испытывать все большее беспокойство относительно последствий растущей миграции в страну [25]. С 1997 по 2010 г. население Великобритании увеличилось примерно на 3,2 миллиона как прямой результат иностранной миграции [26]. На фоне кризиса Еврозоны 2008-2009 гг. и миграционного кризиса 2015 г. «Брекзит» и иммиграция стали рассматриваться как самая значительная проблема для британской общественности [27].

На фоне благоприятной внешней конъюнктуры ПНСК показал наиболее впечатляющие результаты на выборах в Европейский парламент: 2-е место в 2009 г. (15,6% голосов) и 1-е место в 2014 г. (26,6% голосов). Партия продемонстрировала значительные успехи и на местных выборах 2014 г., выиграв 10 из 21 места в муниципальном совете Ротерема, в котором доминировали лейбористы. На всеобщих выборах 2015 г. партия получила 12,6% голосов (на 11% больше, чем на выборах 2010 г. [28]). Кандидаты от ПНСК заняли

вторые места в 120 избирательных округах [29]. Тем не менее в Палате общин Партии независимости удалось получить лишь одно место благодаря мажоритарной избирательной системе.

Актуализация миграционной проблематики, идеологическая эволюция ПНСК и ее электоральный рост (наиболее явный в 2009-2016 гг.) стали, в терминологии исторического институционализма, «критической развилкой», в ходе которой от Консервативной и Лейбористской партий требовались стратегические ответы на новый вызов. Важно отметить, что с середины 1990-х и до конца 2000-х гг. мажоритарная избирательная система вкупе с «жесткой линией» консерваторов по вопросам ЕС и иммиграции в значительной степени обеспечивали маргинализацию ПНСК. Однако в 2006 г. новый лидер партии тори Дэвид Кэмерон попытался сместить консерваторов в центр политического спектра, сместив фокус с проблем евроинтеграции и иммиграции на социальную сферу.

В 2007-2009 гг. давление правого крыла партии вынудило руководство тори перейти к стратегии *неформальной кооптации* для «сокращения политической дистанции» с ПНСК, увеличившейся в первые годы лидерства Д. Кэмерона. Так, лидер оппозиции дал «железное» обязательство провести референдум по ратификации Лиссабонского договора, а также вывести тори из правоцентристской Европейской народной партии в Европейском парламенте после выборов в ЕС 2009 г. С 2013 г., реагируя на растущие электоральные показатели ПНСК, консервативное руководство обратилось уже к *формальной кооптации*, выраженной в «перехвате» идеи провести референдум о членстве Британии в ЕС, в случае победы на выборах 2015 г.

Лейбористская партия, отрицая необходимость референдума о членстве страны в ЕС, также сместилась вправо в формате *неформальной кооптации* после европейских и местных выборов 2014 г., пообещав принять «замок референдума» – запрет на передачу полномочий Вестминстера на наднациональный уровень без процедуры референдума [30]. Лейбористы сместились вправо и по миграционной проблематике, сперва дистанцировавшись от проиммиграционной линии «новых лейбористов», а затем «закрепив» в качестве официальной позиции партии требования обеспечить «более сильный» пограничный контроль для борьбы с нелегальной иммиграцией и сократить низкоквалифицированную иммиграцию [30].

Успех ПНСК на европейских и местных выборах 2014 г., а затем на всеобщих выборах 2015 г. продемонстрировал, что партия представляет собой угрозу не только для консерваторов, но и для лейбористов. Как следствие, консерваторы и лейбористы объединили стратегию кооптации с «санитарным кордоном» вокруг ПНСК на электоральном, законодательном и исполнительном уровнях политической системы, тем самым кооптируя программу своего оппонента, но не его самого. Благоприятным фактором для складывания «санитарного кордона» стала мажоритарная избирательная система, которая не позволяла ПНСК сформировать значительную парламентскую фракцию (элемент институциональной изоляции).

Таблица 1

Стратегии Консервативной и Лейбористской партии за период 2004-2018 гг.

Период	Консерваторы	Лейбористы
2004-2007	Преимущественно игнорирование	Игнорирование
2007-2012	Неформальная кооптация + политическая и институциональная изоляция	Преимущественно игнорирование
2013-2014	Формальная кооптация + политическая и институциональная изоляция	Преимущественно игнорирование
2014 – по н.вр.	Формальная кооптация + «санитарный кордон» + институциональная изоляция	Формальная кооптация + «санитарный кордон» + институциональная изоляция

Источник: составлено автором.

Table 1

Conservative and Labour strategies 2004-2018

Period	Conservatives	Labour
2004-2007	Predominantly ignoring	Ignoring
2007-2012	Informal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Predominantly ignoring
2013-2014	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Predominantly ignoring
Since 2014	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation	Formal cooptation + “sanitary cordon” + legal isolation

Source: compiled by the author.

Говоря о политических эффектах выбранной британским мейнстримом стратегии, необходимо отметить, что они носят амбивалентный характер. С одной стороны, синхронизация стратегий мейнстрима после 2014 г. в формате кооптации с элементами политической и институциональной изоляции стала эффективным инструментом в электоральной борьбе с ПНСК. Реализация основного программного элемента своего оппонента партиями мейнстрима (в первую очередь консерваторами) лишила его концептуальной основы. Так, ПНСК потеряла больше 10% голосов на выборах 2017 г. по сравнению с выборами 2015 г. Более того, кооптация программных установок правых популистов стимулировала внутрипартийный раскол в лагере правых популистов, что отразилось на векторе партийного развития. ПНСК пережила перманентный дрейф вправо после голосования британцев за «Брекзит» в 2016 г. [31] и на этом фоне кризис лидерства: за 18 месяцев партия четырежды выбирала нового лидера.

В то же время снижение электоральной поддержки антисистемного актора не привело к повышению стрессоустойчивости всей системы, а скорее имело обратный эффект. В логике исторического институционализма

«непредвиденным последствием» выбранных мейнстримом стратегических ответов стала фрагментация и поляризация политического пространства Британии в ходе «Брекзита» как их прямого результата. Затянувшийся процесс выхода страны из ЕС стимулировал переход Британии к многопартийности, гораздо более заметный на уровне электоральном, чем законодательном. Более того, на выборах в Европарламент в 2019 г. британский мейнстрим столкнулся с новым вызовом. Как указывает политолог Т. Бейл, победа созданной в 2019 г. «Партии Брекзита» на евровыборах «убила» двухпартийность в Британии. «Добро пожаловать в фрагментацию, поляризацию, нестабильность и размывание традиционной партийной лояльности, как у ее европейских соседей», – утверждает политолог [32]. «Партия Брекзита» получила 31% голосов и 29 мест. Она оказалась первой во всех избирательных округах, кроме традиционно проевропейских Лондона и Шотландии [33].

Тем самым стратегические ответы мейнстрима стали серьезным вызовом для стрессоустойчивости всей системы. Пытаясь восстановить свои электоральные позиции и сохранить собственную политическую субъектность, мейнстрим снизил стрессоустойчивость всей системы, ее гибкость и адаптивный потенциал, стимулируя поляризацию партийно-политической системы и усиливая неопределенность внутри- и внешнеполитического вектора дальнейшего развития Соединенного Королевства.

Заключение

В статье рассматривались стратегические ответы британского мейнстрима на вызовы правого популизма и их эффекты для стрессоустойчивости политической системы. В результате был сделан ряд выводов. Во-первых, необходимо принимать во внимание внутреннее измерение стрессоустойчивости при анализе развития Европейского Союза как многоуровневой политической системы. Во-вторых, было выявлено, что мейнстрим может перенимать установки правых популистов для их нейтрализации [10; 3] и в определенной степени синхронизировать и координировать свои стратегии. Однако, исходя из антисистемного характера программ своих оппонентов, выбранные стратегии снижают стрессоустойчивость всей системы. Как результат, институциональные изменения «не отражают целей какого-либо конкретного актора и даже не входят в набор их институциональных предпочтений» [34]. В этом контексте «Брекзит» как фактор институциональной и политической нестабильности на уровне национальной политической системы и на уровне ЕС стал побочным эффектом реализованных мейнстримом стратегий.

Благодарности: Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2019 г.

Acknowledgments: Support from the Individual Research Program of the School of World Economy and International Affairs at National Research University – Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

References

- [1] Cavelti M.D., Kaufman M., Soby Kristenson K. Resilience and (in)security: Practices, Subjects, Temporalities. *Security Dialogue*. 2015, 46 (1): 3–14.
- [2] Chandler D., Coaffee J., eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge; 2017. 402 p.
- [3] Wagner W., Anholt R. Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? *Contemporary Security Policy*. 2016, 37 (3): 414–430.
- [4] Juncos A. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? *European Security*. 2017; 26 (1): 1–18.
- [5] *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy*. Brussels, June 2016. Available from: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. Accessed: 04.12.2019.
- [6] Barbe E., Morillas P. The EU Global Strategy: The Dynamics of a More Politicized and Politically Integrated Foreign Policy. *Cambridge Review of International Affairs*. 2019, 32 (6): 753–770.
- [7] Sisk T. Democracy's Resilience in a Changing World. *The Global State of Democracy 2017: Exploring Democracy's Resilience*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA). 2017.
- [8] Hix S. *The Political System of the European Union*. New York: Palgrave Macmillan; 2011.
- [9] Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004; 39 (4): 542–563.
- [10] Wodak R., Khosravinik M., Mral B. *Right-Wing Populism in Europe Politics and Discourse*. Bloomsbury Academic; 2013.
- [11] Fallend F., Heinisch R. Collaboration as Successful Strategy Against Right-wing Populism? The Case of the Center-right Coalition in Austria, 2000–2007. *Democratization*. 2016, 23 (2): 324–344.
- [12] Goodwin M. *Right Response. Understanding and Countering Populist Extremism in Europe*. Chatham House Report. Available from: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/r0911_goodwin.pdf. Accessed: 10.04.2019. Accessed: 04.12.2019.
- [13] Downs W. Pariahs in Their Midst: Belgian and Norwegian Parties React to Extremist Threats. *West European Politics*. 2001; 34 (3): 23–42.
- [14] Meguid B. *Party Competition between Unequals: Strategies and Electoral Fortunes in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [15] Bale T. If You Can't Beat Them, Join Them? Explaining Social Democratic Responses to the Challenge from the Populist Radical Right in Western Europe. *Political Studies*. 2010; 58 (3): 410–426.
- [16] Carvalho J. Mainstream Party Strategies Towards Extreme Right Parties: The French 2007 and 2012 Presidential Elections. *Government and Opposition*: 1–22.
- [17] Cappocia J. Defending democracy: Reactions to Political Extremism in Inter-War Europe. *European Journal of Political Research*. 2001; 39: 431–460.
- [18] Rydgren J. The Sociology of the Radical Right. *Annual Review of Sociology*. 2007; 33: 241–262.
- [19] Szöcsik E., Polyakova A. Euroscepticism and The Electoral Success of the Far Right: The Role of the Strategic Interaction Between Center and Far Right. *European political science*. 2018: 1–21.
- [20] Krell C., Mollers H., Ferch N., eds. Reclaiming Action – Progressive Strategies in Times of Growing Right-Wing Populism in Denmark, Norway, Sweden and Germany. *Friedrich-Ebert-Stiftung Nordic Countries*. Available from: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/stockholm/14617-20180920.pdf>. Accessed: 04.12.2019.
- [21] French election: Macron team complete rout with Assembly win. *BBC News*. Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-40178118>. Accessed: 04.12.2019.
- [22] De Lange S. New Alliances: Why Mainstream Parties Govern with Radical Right-Wing Populist Parties. *Political Studies*; 60 (4): 899–918.

- [23] Bale T. ‘Who leads and who follows?’ The symbiotic relationship between UKIP and the Conservatives – and populism and Euroscepticism. *Politics*. 2018; 38 (3): 263–277.
- [24] *UKIP Manifesto April 2010: Empowering the People*. Newton Abbot: UKIP; 2010.
- [25] McLaren L., Johnson M. Resources, Group Conflict and Symbols: Explaining Anti-Immigration Hostility in Britain. *Political Studies*. 2007; 55 (4): 709–732.
- [26] Whitehead T. More than three million migrants under Labour. *The Telegraph*. 22 January. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/8339075/More-than-three-million-migrants-under-Labour.html/>. Accessed: 04.12.2019.
- [27] Immigration and NHS tied as the most important issues facing Britain. *Ipsos Mori*. Available at: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/immigration-andnhs-tied-most-important-issues-facing-britain>. Accessed: 04.12.2019.
- [28] Election 2015. *BBC News*. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2015>. Accessed: 04.12.2019.
- [29] Dempsey N. Marginal Seats. Briefing Paper House of Commons Library. *Number CBP 8067*. Available at: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-8067#fullreport>. Accessed: 04.12.2019.
- [30] *Labour Party Manifesto 2015*. Available at: https://action.labour.org.uk/page/-/A4%20BIG%20_PRINT_ENG_LABOUR%20MANIFESTO_TEXT%20LAYOUT.pdf. Accessed: 04.12.2019.
- [31] Walker P., Halliday J. Revealed: Ukip membership surge shifts party to far right. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/03/new-ukip-members-shifting-party-far-right>. Accessed: 04.12.2019.
- [32] Bale T. Britain has never been more European. *Politico*. 28.05.2019. Available at: <https://www.politico.eu/article/britain-has-never-been-more-european-elections-2019-brexiteer-party-lib-dems/>. Accessed: 04.12.2019.
- [33] The UK’s European elections 2019. *BBC News*. Available at: <https://www.bbc.com/news/topics/crjeqkdevwvt/the-uks-european-elections-2019>. Accessed: 04.12.2019.
- [34] Tsebelis A., Yatağan X. Veto Players and Decision-making in the EU After Nice. *Journal of Common Market Studies*. 2002, 40 (2): 283–307.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

Research article

Responses of European Mainstream to Right-Wing Populism Challenges from the Perspective of the Resilience Concept: Case of the United Kingdom

S.A. Shein

National Research University “Higher School of Economics”
Malaya Ordynka Str., 17, Moscow, Russian Federation, 119017

Abstract. The article explores how European political mainstream responds to the challenges of right-wing populism and how it effects the resilience of the political system. The British case serves as the empirical material for the article. Focusing on the concept of resilience as a quality of a political system to respond and adapt itself to internal challenges, we use the classification of mainstream strategic responses developed by W. Downs and the analytical tools of historical insti-

tionalism. The article investigates mainstream (Conservative and Labor) strategic responses to the challenges of right-wing populism (United Kingdom Independence Party, UKIP) in the UK. The research concludes that the political mainstream is moving from ignoring strategies to mixed strategies, such as cooptation of the UKIP's program with elements of political and institutional isolation. Such strategies are effective from the electoral point of view, however, they may be fraught with “unintended consequences” affecting the resilience of the whole political system.

Key words: political mainstream, right-wing populism, resilience, European Union, United Kingdom

Article history:

The article was submitted on 11.01.2020.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Шейн Сергей Александрович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: sshein@hse.ru).

Information about the authors:

Sergei A. Shein – PhD in Political Science, Research Fellow at Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University “Higher School of Economics” (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: sshein@hse.ru).

Для цитирования:

Шейн С.А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 59–70. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70

For citation:

Shein S.A. Responses of European Mainstream to Right-Wing Populism Challenges from the Perspective of the Resilience Concept: Case of the United Kingdom. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 59–70. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-59-70